клапанов сердца) и годами не вставал с постели. Такое состояние оторвало его в детстве от обычных детских забав, а в дальнейшем и от нашей действительности.

Руководители Литературного института Союза советских писателей, в котором Аркадий учился, оказались не литераторами, а чиновниками от литературы, не только не учли его состояния, но постоянными мелкими придирками еще более оттолкнули его от себя и от коллектива.

29 января с.г. Аркадий был арестован (ордер №263 управления госбезопасности г.Москвы и Московск. области). При обыске у него были взяты рукописи, в основном черновики и варианты его дипломной работы — романа «Черновик чувств». Я убеждена, что «Черновик чувств» имеет значение только литературное, но разобраться в рукописях Аркадия не так просто.

Говорят, что Аркадий талантлив. Зная Ваше отношение к талантливой молодежи, я очень прошу Вас узнать о судьбе Аркадия и посмотреть его рукописи.

Аркадий очень, очень болен, и если арест его затянется, боюсь, что он не выдержит тюремного режима.

Мой адрес: Москва, Тверской бульвар, д.№29, кв.1[17].

* * * * * * * *

— II —

12.

Неизвестная

ноябрь 1937 г.

Алексей Толстой!

Сегодня я сняла со стены ваш портрет и разорвала его в клочья. Самое горькое на земле — разочарование. Самое тяжелое — потеря друга. И то и другое я испытала сегодня. Еще вчера я, если можно так выразиться преклонялась перед вами. Я ставила вас выше М.Горького, считала Вас самым большим и честным художником. Андре Жид писал: «...Я хотел бы всю жизнь, при малейшем ударе издавать звук чистый, честный и подлинный; все люди, которых знаю я, звучат фальшиво...» Вы казались мне тем инструментом, который никогда, ни в каких условиях не может издавать фальшивую ноту. И вдруг я услышала вместо прекрасной мелодии захлебывающийся от восторга визг разжиревшей свиньи, услышавшей плеск помоев в своем корыте... я говорю о вашем романе «Хлеб», содержание которого я прочла в «Лит. газете»[18]. Мне стало стыдно, горько и очень, очень больно. Ведь вы очень наблюдательный, умный,

чуткий человек с огромным сердцем, вы написавший «Гадюку», «Любовь», «Хождение по мукам», «Морозную ночь», вы так умевший передать всю «милую тяжесть любви», проникший в тайное тайных человеческой души и с опытностью мастера разбирающийся в сложной механике Жизни... И вдруг вы вступили в свору завывающих с пеной у рта подхалимов, двурушников, разбивающих лоб от усердия кликуш... Неужели вы не видите объективной действительности? Где ваша орлиная зоркость? Андре Жид за два месяца пребывания в СССР сумел разглядеть то, чего не увидели вы, живущий здесь постоянно[19]. Как не стыдно вам присоединяться к хору вопящему, что «у нас светлая, радостная, счастливая жизнь, данная нам любимым Сталиным». Неужели вы не чувствуете всей духоты атмосферы, в которой задыхается 170 000 000 советских людей? Неужели вы не видите буквальной нищеты во всем Союзе? Или вы оторвались от подлинной жизни? По всей стране волной разлилась реакция. Лучшие люди, преданные ленинской идее, честные и неподкупные, сидят за решетками, их арестовывают тысячами, расстреливают, они не в силах перенести грандиозную Подлость, торжествующую по всей стране, сами уходят из жизни, кончают самоубийством.

Свобода слова!.. — смешно писать эти слова, когда у всех во рту глухой кляп.

Свобода печати! — а вся печать унифицирована.

Демократизм заменен централизмом.

Искусство... — бедные художники, они работают из-под палки.

История... Как ее извращают! В угоду необъятному честолюбию Сталина подтасовываются исторические факты. И вы тоже приложили свою тонкую руку, тоже стали заправским подпевалой. Ведь в «Хлебе» вы протаскиваете утверждение, что революция победила лишь благодаря Сталину. У вас даже Ленин учится у Сталина... Ведь это прием шулера. Это подлость высшей марки!

Произвол и насилие оставляют кровавые следы на советской земле. Диктатура пролетариата превратилась в диктаторство Сталина. Страх — вот доминирующее чувство, которым охвачены граждане СССР. А вы этого не видите? Ваши глаза затянуты жирком личного благополучия, или вы живете в башне из слоновой кости?.. Смотрите, какая комедия — эти выборы в Верховный Совет... Ведь в них никто не верит. Будут избраны люди угодные ЦК ВКП(б). Назначенство, а не выборы, ведь это же факт. Предвыборная борьба... С кем бороться? Против кого? Где она? — Сплошной фарс!

Партия ушла от массы, она превратилась в диктаторскую партию. Сейчас честные люди не идут в партию. Идут в нее лишь карьеристы и люди беспринципные, аморальные.

Вы показываете Троцкого предателем. Вы негодяй после этого! Пигмей рядом с этим честнейшим гигантом мысли! Ведь это звучит

анекдотом, что он и тысячи благороднейших людей, настоящих большевиков, сейчас арестованных, стремились к восстановлению у нас капиталистического строя... Этому не верит никто! Как вы не замечаете, что сверкающая идея Ленина заменена судорожными усилиями Сталина удержать власть. Где тот великолепный пафос, что в Октябре двинул миллионы на смертельную битву? Под зловонным дыханием Сталина и вот таких подпевал, как вы, вековая идея социализма завяла, как полевой цветок в потных руках мерзавца! И вы, инженер души человеческой, трусливо вывернулись наизнанку и мы увидели неприглядные внутренности продажного борзописца.

Вы, увидя вакантное место, освободившееся после смерти М.Горького, чтобы его занять распластались в пыли, на брюхе поползли, расшибая лоб перед Сталиным, запев ему хвалебные гимны. Где же ваша беспристрастность? Где честность художника? Идите в народ, как Гарун аль Рашид и послушайте чутким ухом. И вы услышите проклятия и неприязнь по адресу Сталина. Вот где настоящая правда!

Или может вас прикормили? Обласкали, пригрели, дескать, Алеша, напиши про Сталина. И Алеша написал. О, какой жгучий стыд!

Оглянитесь кругом и вы увидите, что небо над страной готовит бурю. Народ не потерпит глумления над собой, над идеей социализма, он ударит по зарвавшейся, обнаглевшей кучке деспотов. Уже сейчас, как рокот дальнего грома, доносятся отовсюду отголоски брожения в массах. Сталин это слышит. Он знает, что не долго ему еще царствовать. И с ним началась истерика. Он не чувствует под собой почву. Массовый террор — ведь это доказательство слабости.

Наступит время и ветер истории сбросит вас с пьедестала, как литературную проститутку. Знайте, что уже сейчас, когда люди прочтут ваш «Хлеб», они увидят, что ошиблись в вас и испытают разочарование и горечь, какие испытываю сейчас я.

Я вас, как художника искренне любила. Сейчас я не менее искренне ненавижу. Ненавижу, как друга, который оказался предателем.

И я плюю вам, Алексей Николаевич Толстой, в лицо сгусток своей ненависти и презрения. Плюю!!!

13.

Неизвестная[20]

22 ноября 1938 г.

Москва

Редакция «Правды», Алексею Толстому (писателю)

Многоуважаемый товарищ!

Мы все возмущены варварским поступком по отношению евреев, проживающих в Германии. Но они могут кричать, вопить и весь ци-